

ИЗВИНИТЕ, ВЫ НЕ МОГЛИ БЫ ВЕРНУТЬ НАМ МАТЕРИАЛИЗМ?

БРУНО ЛАТУР

Бруно Латур. Доктор социологии, профессор и вице-президент по научной работе Института политических исследований (Париж). Адрес: 27 rue Saint-Guillaume, 75337 Paris, Cedex 07, France. E-mail: bruno.latour@sciencespo.fr.

Ключевые слова: онтология артефактов, философия техники, материализм, идеализм, определение материи, первичные и вторичные качества.

Технология — бедная родственница эпистемологии. Она все еще несет на себе бремя определения материи, которое было вынесено из другого странного определения научной деятельности. Вследствие этого многие описания «вещей» вовсе не имеют в себе ничего «вещного». То, что описывается, — всего лишь «объекты», ошибочно принимаемые за вещи. Отсюда необходимость в том, чтобы возник новый стиль описания, который позволил бы преодолеть границы материалистического (по сути идеалистического) определения материального существования. Что и было достигнуто в серии эссе «Насыщенные вещи», для которой данная заметка служит послесловием.

CAN WE GET OUR MATERIALISM BACK, PLEASE? BRUNO LATOUR. PhD in Sociology, Professor and Vice President of Research at the Sciences Po Paris. Address: 27 rue Saint-Guillaume, 75337 Paris, Cedex 07, France. E-mail: bruno.latour@sciencespo.fr.

Keywords: ontology of artifacts, philosophy of technology, materialism, idealism, definition of matter, primary and secondary qualities.

Technology is epistemology's poor relative. It still carries the baggage of a definition of matter handed down to it by another odd definition of scientific activity. The consequence is that many descriptions of "things" have nothing "thingly" about them. They are simply "objects" mistaken for things. Hence the necessity of a new descriptive style that circumvents the limits of the materialist (in effect idealist) definition of material existence. This is what has been achieved in the group of essays *Thick Things* for which this note serves as an afterword.

ЧТО-ТО струсилось с материализмом. Кажется, во многих отношениях мы будто бы вернулись к исходной точке споров о различных свойствах материальных объектов, шедших на заре Нового времени. В течение короткого периода материализм производил впечатление ясной, как солнце, апелляции к определенному типу действия, а также ряду объектов и сил, которые позволяли исследователям объяснять, игнорировать или даже видеть насквозь другие типы действия. К примеру, стало возможным объяснить понятийные надстройки посредством материальных базисов. Таким образом, обращение к грубому, стукающему кулаком по столу материализму казалось идеальным способом разоблачения притязаний тех, кто пытался спрятать свои недостойные мотивы за такими понятиями, как мораль, культура, религия, политика или искусство. Но дело именно в том, что это был *идеальный*, а не *материальный* способ расставить все точки над *i*. Материализм в тот короткий период, когда его могли использовать в качестве прекращающей любую дискуссию фигуры речи, неявно подразумевал, как выясняется сейчас в ретроспективе, довольно-таки идеалистическое определение материи и ее функций. Мне не хватает исторических знаний, чтобы точно указать границы короткого периода, на протяжении которого использование материалистического *explanans* достигло апогея, но, пожалуй, можно считать, что, начавшись с постмарксист-

Перевод с английского Артема Морозова и Максима Федянина по изданию: © Latour B. Can We Get Our Materialism Back, Please? // Isis. 2007. № 98. P. 138–142.

ма (марксово понимание материалистического объяснения было бесконечно более изощренно, чем то, во что его превратили последователи Маркса), он продолжался вплоть до социобиологов конца столетия, которые без особого успеха пытались вписать свои примитивные схемы в берущую начало от Дарвина блестящую родословную.

Почему этот материализм кажется нам, когда мы оборачиваемся назад, столь идеалистическим? Причины этого стали вполне ясны лишь благодаря некоторым комментариям к философии Альфреда Норта Уайтхеда¹. Под именем «материя» были объединены два совершенно различных концептуальных хода: во-первых, тот способ, которым мы продвигаемся к тому, чтобы получить в познании доступ к вещам, которые чрезвычайно удалены от нас или вовсе нам недоступны; во-вторых, способ, с помощью которого сами вещи делят свое существование. Мы можем отождествить материю с одним или с другим, но принятие обоих одновременно приводит к абсурду. Безусловно, мы можем восхищаться чудесным «соответствием» между геометризацией способов нашего познания и геометризацией познаваемых нами вещей, но оно возникает просто потому, что мы преднамеренно или непреднамеренно всегда слегка жульничаем и объясняем это сомнительное соответствие тем фактом, что «первичные качества» объектов сами по себе геометричны. Это особенно легко проделать, когда все остальные качества — те, которые потом превратятся во «вторичные качества», — аккуратно, одно за другим устраниваются.

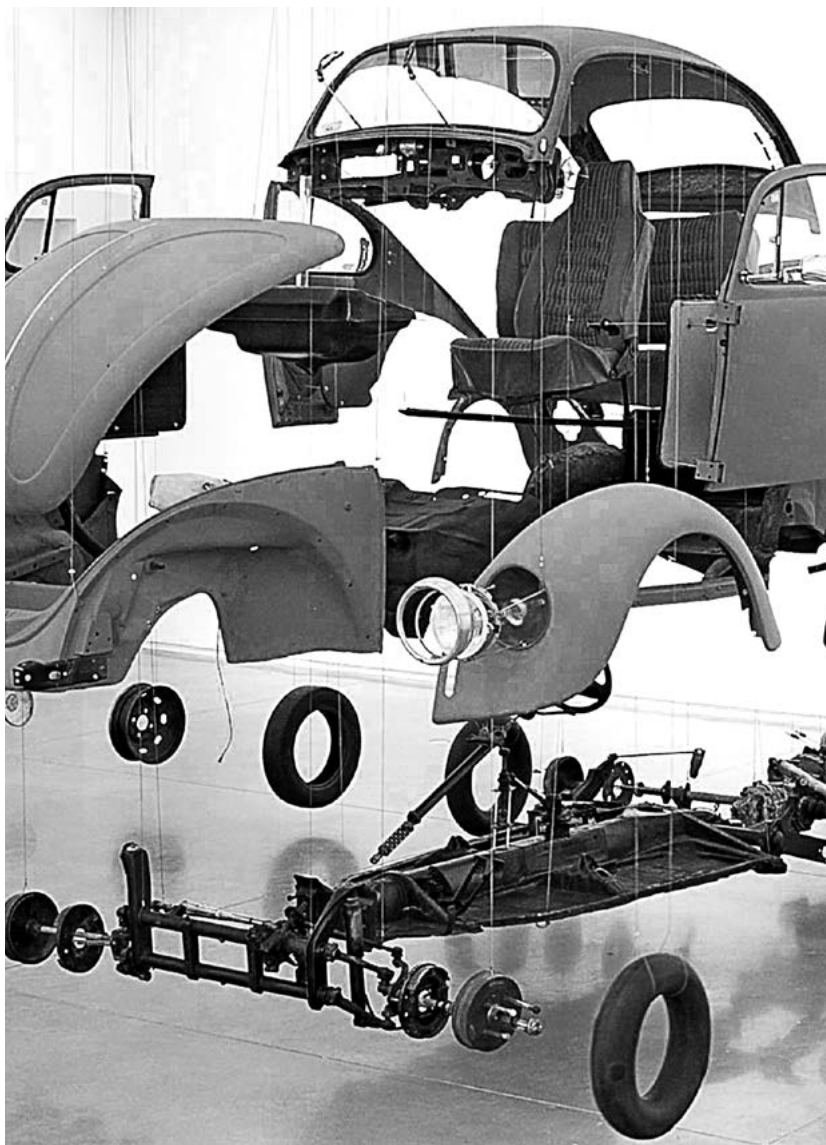
Применение к *техническим структурам* этого подхода несколько прямолинейно, но на нем стоит остановиться, поскольку история технологии долгое время, как я уже отметил ранее, была бастионом идеалистического материализма. Мы все еще с легкостью понимаем прекрасно выполненные чертежи парового двигателя, созданного Джеймсом Уаттом, хотя сами паровые двигатели уже давно исчезли. Любой механизм для того, чтобы быть начерченным во всех деталях инженером, с одной стороны, и оставаться в рабочем состоянии, не ржавея и не портясь, — с другой, требует совмещения двух очень различных типов существования. Существовать как часть среди других частей внутри изотопического пространства, изобретавшегося на протяжении всей истории гео-

1. *Stengers I. Penser avec Whitehead: Une libre et sauvage creation de concepts.* P: Gallimard, 2002.

метрии, натюрморта и технических чертежей, — не то же самое, что существовать в качестве вещи, которой приходится сопротивляться разрушению и распаду. Очевидно? Да, конечно. Но тогда почему мы часто действуем так, как если бы материя сама по себе была составлена из частей, которые ведут себя подобно своим чертежам, словно они обитают в безвременной неизменной реальности геометрии? Почему во имя «механицистской философии» (которая, как показали историки науки, в свою очередь, является крайне запутанным предприятием) мы до сих пор принимаем такой взгляд на технические артефакты всерьез, как если бы онтологические качества материи самой по себе были такими же, как онтологические качества протяженных и подвижных частей в геометрическом пространстве?

Вот почему материализм недавнего прошлого сейчас выглядит таким идеалистическим: он принимает идею о том, чем должны быть вещи в себе (а именно первичными качествами), и при этом не перестает удивляться тому чуду, которое делает их «похожими» на то, как их изображают на чертежах... И это чудо идеалистично вдвойне, поскольку оно полностью игнорирует сложность производства чертежей и целой сети инженерных практик, необходимой, чтобы распознать свойства, провести линии и собрать целую институцию для того, чтобы данный конкретный механизм функционировал. Очень сложно поддерживать и контролировать работу по созданию чертежей. Само понятие *механизма* требует идеализации, с одной стороны, способов познания и, с другой стороны, поведения того, что мы познаем. Неудивительно поэтому, что, когда мы переносим его на область экономики или генетики или пытаемся оснастить им биологические или социологические «объяснения», возникает так много проблем.

Вытекающие из такого идеализированного материализма проблемы прекрасно видны в блестящей инсталляции Дэмиана Ортеги «Космическая вещь» (*Cosmic Thing*), которой посвящено эссе Джона Тресча. Эта инсталляция, представляющая в действительности «взрыв-схему» (по-французски *écorché*) «Фольксвагена-жука», хочет казаться предельно прозрачной, тогда как комментирующие ее эссе отказываются это признавать. Безусловно, вся ирония инсталляции в том, что если «взрыв-схема» (ставшая нам знакомой благодаря изобретению технических рисунков, проективной геометрии и всем прочим инновациям вплоть до компьютерного моделирования) и впрямь является очень удобным спо-

Дэмиан Ортега. Космическая вещь (*Cosmic Thing*), 2001

собою изображать детали, управлять их изготовлением, делать устойчивыми характеристики, соблюдать стандарты, составлять инвентари, а кроме того, совершать все перечисленные операции так, чтобы их можно было отследить и подвергнуть проверке, то она все же — совсем не то, что определяет «вещность» или «космичность» техники. Воображаемое зрительное пространство, в котором взрыв-схема и становится возможной, бесконечно удалена от того, как «Фольксваген-жук» живет в мире или, скорее, в космосе.

Иными словами, в то время как *res extensa* является способом изображения технических деталей бок о бок, сами по себе детали не собираются — не встречаются и не выживают — так, как если бы они были «в» *res extensa* или «сделаны из» материи. Или, вернее, мы сейчас сталкиваемся с двумя разными определениями «материи»: первое (идеалистическое), в котором смешиваются воспроизводство частей как таковых и воспроизводство их геометрических изображений; и другое, в котором эти два типа воспроизводства ясно разделены. Первое определение приводит нас к *объектам*, описание которых всегда *разреженно*; второе же ведет нас к *вещам*, которые как раз таки *насыщенны*, как замечает Кен Алдер в своем введении. По одну сторону баррикад — разреженные объекты с *идеальным* определением материи, по другую — насыщенные вещи вместе с *материальным* определением материи. Между этими двумя вариантами, как мне кажется, и предстоит сделать выбор читателю работ, помещенных в разделе «Фокус»².

Все вышесказанное не означает, что воспроизведение вещей геометрическим способом «абстрактно», «холодно» или «мертво», в то время как воспроизведение их с помощью стали, меди или дерева «конкретно», «тепло» или «живо», а лишь то, что именно геометрия позволяет инженерам изображать детали и знать что-либо о них, тогда как детали сами по себе следуют своими путями и, так сказать, выбирают свои собственные направления... Если бы Ортега действительно захотел предоставить изображение «Фольксвагена-жука» так, чтобы оно соответствовало названию — «Космическая вещь», ему пришлось бы полностью переделать инсталляцию и сделать для «Фольксвагена-жука» то, что Габриэль Гехт, Вибе Бикер и Кен Алдер сдела-

2. Имеется в виду раздел в соответствующем выпуске журнала *Isis* (см.: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/522310>). — Прим. пер.

ли для «своих» кусков урана, дамб и детекторов лжи, а именно: сначала чрезвычайно сильно *увеличить* число частей, необходимых для сборки «Жука», а затем *умножить* количество принципов, по которым части собираются в функционирующее целое. Подвешивание деталей бок о бок на нейлоновых нитях — это забавный способ напомнить нам о составном аспекте каждого технического «целого», но он слишком ограничивает набор необходимых частей и процесс, в котором они сливаются друг с другом. К ансамблю деталей Ортега должен был добавить ассамблею вещей, которые сделали бы его инсталляцию действительно заслуживающей названия «Космическая вещь».

Вот почему меня всегда сбивают с толку люди, которые принимают «философию техники» Хайдеггера всерьез. Не столько потому, что Хайдеггер не видит никакой разницы между атомной бомбой, дамбой, детектором лжи и дверной ручкой (все это лишь примеры одного и того же «постава»), но потому, что, когда он наконец оказывает некоторое уважение обуви или молотку, он рассматривает их как сборку из *четырёх* элементов — «четверицу». Разумеется, эти инструменты могут быть выполнены очень красиво, и куда лучше воззвать к богам и смертным, небесам и земле, чтобы объяснить их появление, чем отделаться от них как «просто» объектов. Но посмотрите еще раз на «Фольксваген-жук»: всего четыре элемента, да неужели? Это действительно чересчур короткий список... Согласно Гехту, существует не четыре, а гораздо больше божеств, измерений или факторов, которые одновременно вовлекаются в игру для того, чтобы определить, что значит для «урана» быть «ядерным». Любое техническое имбролио заставляет нас считать *гораздо* дальше четырех. Но правда в том, что — и здесь Хайдеггер ведет нас в верном направлении — каждый артефакт действительно оказывается чем-то вроде сборища, встречи, совместного «веществования», и было бы нелепицей не упомянуть о смертных и богах, описывая даже сверхсовременное оборудование. Однако я уверен, что Хайдеггер отказался бы комментировать взрыв-схему Ортеги. Да и сам Ортега, предлагая такое ограниченное количество деталей и способов сборки, не удовлетворяет, как я уже сказал, логике названия, которое он дал инсталляции, если только он не прибегает к очень современной иронии, следующей тому же образцу, что и хайдеггеровская неприязнь к современности.

Что именно делает отделение материального материализма от его идеалистического двойника (примером чего является понятие «поставка») столь многообещающим — это то, что он принимает во внимание удивление и неясность, которые столь характерны для техники-как-вещей и которые полностью скрываются техникой-как-объектами, существующими в режиме *res extensa*. Взрыв-схема как принцип описания делает возможным преодоление одного из основных эффектов возникновения любого артефакта — неясности. Другими словами, она изображает объект так, как если бы он был открыт для проверки и контроля, и в то же время она скрывала элементарный способ существования технических объектов, если вспомнить название книги Жильбера Симондона³. Части скрывают одна другую; и когда артефакт изготовлен, энергия, которая пригнала их друг к другу, полностью исчезает. Контроль, прогноз, четкость и функциональность никогда не достигаются полностью и окончательно, они не обнаруживаются внутри цифрового или бумажного мира *res extensa* сами по себе, хотя и невозможно получить их без работы над техническими рисунками и моделями и с ними. Но, опять-таки, работать *над* моделью (математической, аналоговой, цифровой) — не то же самое, что *быть* моделью для технического артефакта. Как знает каждый инженер, увеличение масштаба (или его уменьшение в случае миниатюризации и индустриализации) — это опасное и удивительное приключение, полное резких поворотов и окольных путей. Переведя механизмы в режим *res extensa*, вы больше не желаете и слышать о тех искусных, хитроумных изобретениях, которые сопровождают каждый этап конструирования. Больше нет места и для Дедала или Виктора Франкенштейна, хотя тени этих мифических фигур часто появляются в содержащихся здесь эссе: демиургические стремления бразильских позитивистов; подобная Протею, чудовищная сила «ядерности»; соперничество, испытания и разочарования, связанные с энерго- и водоснабжением индийского субконтинента; переплетения блефа и двойного блефа, определявшие развитие детекторов лжи и ход гонки вооружений.

Наконец, вы больше не готовы к тому, чтобы столкнуться с многообразными докучливыми помехами, известными в ранний период развития наших дисциплин как «социальный кон-

3. *Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. P.: Aubier, 1958.*

текст», объемлющий артефакт, который в противном случае остался бы изолированным. Довольно долго державшись на безопасном расстоянии от техники, что было довольно любезно с их стороны, сейчас эти докучливые помехи всех сортов — не только инженеры, конечно, но и «рядовые члены общества», пострадавшие от различных «нежелательных последствий», техники, военные, мечтатели, активисты, юристы — стали неотъемлемой частью обращения с техникой. Каждое эссе в разделе «Фокус» демонстрирует это главное изменение в нашем понимании технологических вещей; именно оно было с удивлением осознано, когда в 2003 году после взрыва шаттла «Колумбия» сотням неизвестных до этого акторов пришлось вступить в дискуссию — правовой спор, «вещь» в этимологическом смысле⁴. Внезапно все открыли, что шаттл действительно был помещен в организацию НАСА и что множество «частей» «Колумбии» невозможно увидеть на взрыв-схеме шаттла в стиле Ортеги. И все же эти части на самом деле были элементами процесса сборки, необходимого для окончательного соединения деталей в безопасно функционирующее целое. Однако не более чем стороны, заинтересованные в столь многих проектах, обзор которых дает Бикер, они могли бы быть буквально «сведены вместе» по стандартам технического представления, установленным ныне цифровыми файлами САПР.

Возможно, именно здесь мы сталкиваемся с границами «насыщенного описания вещей». Мы знаем, как обеспечить «разреженное описание» идеализированных материальных сторон предмета. Как показывают собранные здесь эссе, мы наконец начинаем учиться *post hoc* давать насыщенное повествовательное описание того, что должно быть видно во встрече, которая сводит вещь воедино (подобно тому, как после взрыва шаттла потребовалось сложное расследование). Однако мы до сих пор не знаем, как собрать в едином визуальном сбалансированном пространстве все, что необходимо для вещи, чтобы стать объектом, несмотря на инсталляцию Ортеги. Когда мы научимся это делать, мы наконец вернем наш (материальный) материализм обратно и наши космические вещи в конце концов заработают. Вот тогда-то сюжет и станет действительно насыщенным.

4. Harman G. Tool Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects. Chicago: Open Court, 2002, и Making Things Public: Atmospheres of Democracy / В. Latour, P. Weibel (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 2005.

REFERENCES

- Harman G. *Tool Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*, Chicago, Open Court, 2002.
- Latour B. Can We Get Our Materialism Back, Please? *Isis*, 2007, no. 98, pp. 138–142.
- Latour B., Weibel P., eds. *Making Things Public: Atmospheres of Democracy*, Cambridge, MA, MIT Press, 2005.
- Simondon G. *Du mode d'existence des objets techniques*, Paris, Aubier, 1958.
- Stengers I. *Penser avec Whitehead: Une libre et sauvage création de concepts*, Paris, Gallimard, 2002.